УДК 94(47).083

Д. И. Раскин

Из дневниковых записей барона Н. А. Врангеля

Николай Александрович Врангель (1869–1927) принадлежал к древнему остзейскому баронскому роду, к той его ветви, которая к концу XIX в. успела изрядно обрусеть. И сам Н. А. Врангель, и его отец Александр Егорович (1833–1915) были православными[1]. А.Е. и Н. А. Врангели долго хлопотали о присоединении к их фамилии графского титула, пытаясь доказать свою прямую связь со шведскими графами Врангелями-Салмис, но безуспешно[2]. А. Е. Врангель был русским посланником при саксонском дворе, имел чин действительного статского советника и придворное звание камергера. 15 августа 1869 г. у него родился сын Николай, который окончил Александровский лицей[3] и, выдержав экзамен при Николаевском кавалерийском училище, поступил в 1890 г. в лейб-гвардии Конный полк. После назначения в 1893 г. помощником, а в 1897 г. министром императорского двора бывшего командира этого полка (1875–1883) барона (с 1913 г. графа) В. Б. Фредерикса в придворном ведомстве стали преобладать бывшие конногвардейцы. Н. А. Врангель, проходя службу в полку, выполнял различные поручения по сопровождению иностранных коронованных особ во время их визитов в Россию (за что неоднократно был награжден иностранными орденами), а в 1901 г. был назначен (с оставлением в списках л. — гв. Конного полка) делопроизводителем Управления делами вел. кн. Михаила Александровича. В 1907 г. Н. А. Врангель

[1] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 920. Оп. 1. Д. 6, 7, 19.

[2] Там же. Д. 2, 11, 12, 18.

[3] Там же. Д. 20.

был произведен в полковники. Начиная с 1902 г. он почти каждый год в течение одного-двух месяцев временно исполнял обязанности управляющего делами великого князя, а с 1911 г. — на постоянной основе (хотя продолжал значиться исправляющим должность), 26 января 1909 г. был назначен его адъютантом. В 1910 г. Н. А. Врангель сопровождал вел. кн. Михаила Александровича в заграничном путешествии. С 1911 г. Врангель исполнял должность управляющего делами вел. кн. Михаила Александровича. Всё это время он оставался в списках л. — гв. Конного полка и дважды (с 7 по 14 сентября 1909 и с 3 по 6 октября 1910 г.) временно командовал полком. Это была обычная практика военных, занимавших придворные и штабные должности, позволявшая им сохранять право на командование соответствующими подразделениями (полками, бригадами, дивизиями) и дальнейшее чинопроизводство. Но когда после тайного морганатического брака вел. кн. Михаила Александровича с Н. С. Вульферт[4] (по первому мужу Мамонтовой, урожденной Шереметевской), заключенного 16 октября 1912 г., Н. А. Врангель принял сторону императора, он вынужден был покинуть службу при великом князе и получил новое назначение — должность командира 18-го гусарского Иркутского полка. Участвовал в боевых действиях, но в ноябре 1914 г. распоряжением командующего 1-й армией генерала П. К. Ренненкампфа был отстранен от командования по обвинению в трусости. Лишь после энергичных хлопот ему удалось добиться реабилитации[5]. В дальнейшем Н. А. Врангель состоял адъютантом при вел. кн. Михаиле Александровиче, был с ним на фронте. В течение 1901–1910 гг. он был награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Владимира 4-й степени, а за участие в боях — мечами и бантом к ордену Св. Владимира 4-й степени, орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами, мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й степени[6]. 10 апреля 1916 г. Н. А. Врангель получил чин генерал-майора[7]. В 1915–1916 гг. он состоял при вел. кн. Михаиле Александровиче, после февраля 1917 г. числился в резерве чинов при штабе Двинского военного округа.

Н. А. Врангель избирался (в 1905 г.) гласным Петергофского уездного земского собрания[8]. В 1911 г. он издал сборник стихотворений, переизданный в 1913 г.

[4] Там же. Д. 21.

[5] Там же. Д. 25.

[6] Там же. Д. 27, 28, 30.

[7] Там же. Д. 21.

[8] Там же. Д. 33.

Семейная жизнь Н.А. Врангеля сложилась неудачно. Первым браком он был женат на Марии Владимировне Скарятиной, от которой у него было пять детей: Мария (1895), Вера (1896), Владимир (1898), Ксения (1902) и Георгий (1903). Но в 1907 г. последовал развод, причиной которого была открытая связь М.В. Врангель с дворником их петербургского имения Терпилицы Дмитрием Бажуновым[9]. В 1915 г. Н.А. Врангель женился вторым браком на Елизавете Федоровне (Бартольдовне) Гойнинген-Гюне, но и этот брак не принес ему счастья. Будучи моложе мужа на 22 года, Е.Ф. отличалась непомерными тратами, своеволием и крайне грубым поведением[10]. В 1916 г. и этот брак был расторгнут. Огорчения доставляла Н.А. Врангелю и старшая дочь Мария, вступившая сначала в открытую связь, а затем — против воли отца — и в брак с репетитором детей ее тетки гр. О.В. Беннигсен Генрихом Петровичем Боровым[11]. 1916 г. принес Н.А. Врангелю и крупные денежные убытки в связи с неудачной покупкой имения. В начале 1917 г. он испрашивал разрешения вел. кн. Михаила Александровича на занятие должности члена Совета Русского общества пароходства и торговли[12].

После 1917 г. Н.А. Врангель находился в эмиграции. 7 марта 1927 г. он покончил жизнь самоубийством[13].

В 1915–1916 гг. Н.А. Врангель вел регулярные (почти ежедневные) записки[14]. Свои записи он делал в записных книжках, переплетенных в мягкую черную кожу с золотым тиснением, с типографским способом отпечатанными календарными заголовками (типа ежедневника). Записи были краткими, дневникового характера. В них отразилась каждодневная жизнь автора в Петербурге и на фронте, его встречи с Николаем II и вел. кн. Михаилом Александровичем, министрами, придворными, генералами, семейные и денежные дела, состояние здоровья. Среди этих записей выделяются два фрагмента, сохранившихся отдельно от записных книжек. Первый — это запись беседы Н.А. Врангеля с Николаем II о вел. кн. Михаиле Александровиче и делах его приближенных в связи с браком великого князя, второй — записи от 21 сентября 1915 г., 6–7 января, 9 июля и 7–8 ноября 1916 г., посвященные слухам о причинах отставки с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, афере Братолюбова–Жирара (с заказом на изготовление для армии зажигательной смеси), в которую был невольно вовлечен вел. кн. Михаил Александрович, состоянию здоровья последнего, великосветским слухам о влиянии Г.Е. Распутина при дворе и попытке демарша великих князей с целью устранения этого влияния.

[9] Там же. Д. 40, 41 (письмо М.В. Врангель Д. Бажунову).

[10] Там же. Д. 45.

[11] Там же. Д. 47.

[12] Там же. Д. 37.

[13] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. М.: РГБ, Изд-во «Пашков дом», 1999. Т. 1. С. 639.

[14] Видимо, какие-то записи он делал и раньше, но они до нас не дошли.

Последние записи Н. А. Врангеля относятся к 31 декабря 1916 г. После этого его записные книжки вместе с другими личными документами (в том числе документами о прохождении службы, по бракоразводному процессу, по имениям и различным денежным делам и т. д., а также документами по управлению делами вел. кн. Михаила Александровича) были, очевидно, помещены в личный сейф Н. А. Врангеля в Азовско-Донском банке. В составе документов, изъятых (после национализации всех банков) из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде, эти документы попали в сентябре 1936 г. из Ленинградского отделения Отдела международных расчетов Народного комиссариата финансов СССР в архив, где образовали в 1938 г. архивную коллекцию. В августе 1940 г. комплекс документов Н. А. Врангеля был выделен из этой коллекции в отдельный фонд, описанный в ноябре того же года А. А. Шиловым[15].

Будучи человеком не только весьма осведомленным (в силу своего служебного положения и светских связей), но и весьма обстоятельным, Н. А. Врангель старался в своих записях быть как можно более точным, а передавая слухи, всегда указывал их источник. Всё это делает дневниковые записи Н. А. Врангеля весьма ценным историческим источником.

БЕСЕДА С ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ 15 ЯНВАРЯ 1913 г. В ЦАРСКОСЕЛЬСК[ОМ] АЛЕКСАНДР[ОВСКОМ] ДВОРЦЕ

Государь: Когда Вы видели в последний раз брата?

Я: В сентябре, за несколько дней до его отъезда[16].

Я: Позвольте благодарить В[аше] в[еличество] за разрешение выдать мне обеспечение, которое вел. князь Михаил Ал[ександрови]ч пожелал выдать мне за мою 12-летн[юю] службу при нем[17]. Я глубоко благодарен за это обеспечение, дающее мне возможность воспитать детей.

Государь: Разумеется, это было вполне справедливо — раз брат этого пожелал, я, конечно, разрешил.

Я: Я теперь сдал все дела и капиталы вел. князя кн. Кочубею...[18]

Государь: Да, Главному управлению уделов. Мне кн. Кочубей докладывал об этом.

Я: В последние месяцы я измучился нравственно за вел. князя, чувствую себя больным; доктора посылают меня на юг, хотя бы на неск[олько] недель,

[15] РГИА. Дело фонда № 920.

[16] Первые две строчки вписаны поверх текста другими чернилами.

[17] В письме начальника Главного управления уделов кн. В. С. Кочубея бар. Н. А. Врангелю от 15 января 1913 г. указано, что из сумм вел. кн. Михаила Александровича ему выдается 150 тыс. руб. РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 29.

[18] Кочубей Виктор Сергеевич (1860–1923), кн., в 1899–1917 гг. — начальник Главного управления уделов.

и я прошу отпуска, чтобы полечиться и набраться сил перед началом новой службы и приемкой полка.

Государь: Конечно, поезжайте. Я слышал, Вы получаете полк?

Я: Я получил об этом запрос, но не знаю, окончательно решен ли этот вопрос[19]. Теперь, уезжая за границу, я хотел просить позволения В[ашего] в[еличест]ва поехать к вел. князю благодарить его и проститься с ним.

Государь: Конечно, поезжайте к нему. Скажите ему, что я не пишу ему ввиду той ужасной среды, в которой он находится. Он окружен такими дурными людьми. Представьте себе, я имею сведения, что даже мои письма, мои телеграммы доходят до брата только через неделю, причем проходят через Москву и там известны...[20]

Я: Могу только сказать В[ашему] в[еличест]ву в оправдание в[еликого] князя, что, по моему глубокому убеждению, он находится положительно под болезненным гипнозом этой особы[21]; всё, что он говорит и тем более пишет, внушено ею. Это не слова и чувства вел. князя, а лишь внушенное ему этой особой.

Государь: Вы совершенно правы — это именно болезненный гипноз, внушение и теперь наступил в этом кризис.

Я: Чем острее и болезненнее кризис этот, тем скорее можно надеяться на исцеление.

Государь: Дай Бог, чтобы это было так.

Я: Я убедился в этом болезненном подчинении воли вел. князя еще в то путешествие за границу, 2 года назад, когда я был послан В[ашим] в[еличест]вом и впервые увидел эту особу.

Государь: Как же, я помню об этом. Тогда с ним ничего не случилось...

Я: Слава Богу, тогда удалось избежать этого несчастья. По письму, которое я получил от в[еликого] князя, я вижу, что он находится в удрученном, подавленном настроении...

Государь: Это вполне понятно, конечно.

Я: Если в[еликий] князь будет расспрашивать меня, как здесь устраиваются его дела, следует ли мне обо всем говорить ему откровенно или есть обстоятельства, о которых мне следует молчать?

Государь: Вы можете ему на всё отвечать откровенно. Скажите ему, что все его дела докладываются мне лично как опекуну и будут разрешаться лично

[19] Н. А. Врангель был назначен командиром 16-го гусарского Иркутского полка, который стоял в Риге.

[20] Несвоевременная доставка телеграмм и писем императора была по российским законам преступлением (ст. 197 Почтово-телеграфного устава. Свод законов. Изд. 1912 г. Т. 12, ч. 1). Если такой факт и имел место, то очевидно, что единственной, кто мог осмелиться на это, была Н. С. Брасова, которая в качестве морганатической супруги великого князя ответственности не подлежала.

[21] Т. е. Наталии Сергеевны Вульферт, по первому мужу Мамонтовой, урожденной Шереметевской (1880–1952), 16 октября 1912 г. вступившей в морганатический брак с вел. кн. Михаилом Александровичем и получившей в 1915 г. титул гр. Брасовой.

мною. Когда вы будете с ним одни (*в глубоком волнении*), Вы передайте ему мой поклон. Но только когда Вы будете одни — я не хочу, чтобы это было при ней.

Я: Слушаюсь. Я вообще сомневаюсь, увижу ли я эту особу, т[ак] к[ак] она относится ко мне неприязненно.

Государь: Но брат относится все-таки к Вам милостивее, чем к бедному Мордвинову[22].

Я: Все-таки в конце своего письма мне вел. князь пишет, что он сожалеет о том, что я сам оттолкнул всякую возможность более близких отношений с ним. Это означает, что эта особа не прощает мне, что за всё время моей службы я ни минуты не забывал, что прежде всего служу Вашему величеству и что я всячески противился передаче ей капиталов, хранившихся у меня.

Государь: Я это знаю. Вы даже приезжали осенью в Беловеж или Скалу и спрашивали моего разрешения. Вы поступили тогда хорошо и правильно.

Я: Я приезжал в Скалу спросить Вашего разрешения, считая, что не имею права[23] передавать столь большие суммы (1/2 миллиона), которые могли перейти к этой особе. Перед этим, в сентябре, вел. князь потребовал весь капитал его, более миллиона, хранящийся за границей. Я отказался это исполнить,

[22] Мордвинов Анатолий Александрович (1870 — после 1917), полковник, до 1912 г. адъютант вел. кн. Михаила Александровича. После истории с морганатическим браком великого князя подал тому рапорт об увольнении с должности. Вел. кн. Михаил Александрович в своем письме Н.А. Врангелю 21 декабря 1912 г. писал: «Ваше письмо меня тронуло. Я знаю, что Вы готовы продолжать мне служить даже и теперь при совершенно изменившейся моей жизни, хотя я и не знаю, в чем служба при мне может теперь заключаться. Я даже не знаю, будет ли существовать мое Управление или оно совершенно упразднится. Мне также неизвестно, вернусь ли я в Россию, что для меня, конечно, очень тяжело, но пока будет продолжаться опека, Вы сами понимаете, я обратно вернуться не могу, а пока я за границей, при мне никакой службы быть не может. Ввиду всего этого я очень советую Вам продолжать строевую службу и принять полк. Я же с своей стороны желаю обеспечить Вас капиталом, который давал бы Вам 6000 р. в год, то есть 150 000 р., помещенных в бумагах 4% гос[ударственной] ренты, на что, я надеюсь, Государь изъявит свое согласие. Я желал бы обеспечить Мордвинова капиталом того же размера. Сам я писать ему об этом не буду, потому что после его оскорбительного письма, которым сопровождался его рапорт об увольнении, считаю личные отношения с ним покончеными. Прошу Вас также передать ему, что я согласен на выраженное им предложение остаться до полной передачи всего в Уделы. От души благодарю Вас, многоуважаемый барон, за Вашу полезную и честную службу при мне. Дай Вам Бог в дальнейшей Вашей жизни и службе всякого благополучия. Я всегда относился к Вам очень симпатично и всегда сожалел, что Вы сами оттолкнули всякую возможность более близких отношений. Теперь прощусь и крепко жму Вашу руку», а в письме брату, императору Николаю II от 16 ноября 1912 г. просил: «Очень прошу в случае надобности не присылать больше Мордвинова, а Врангеля или Ларьку Воронцова (т. е. ротмистра гр. Иллариона Илларионовича Воронцова-Дашкова (1877–1932), адъютанта вел. кн. Михаила Александровича. — *Д.Р.*). С Мордвиновым мои личные отношения давно кончены, и мне очень тяжело говорить с ним о таких интимных вещах» (Скандал в императорской семье: Из переписки великого князя Михаила Александровича, императора Николая II, императрицы Марии Федоровны. 1912 год // Октябрь. 1999. № 11).

[23] В подлиннике «право».

предвидя большую денежную потерю при реализации этих бумаг. Всего этого мне не может простить эта особа. Вот почему так неприязненно их отношение теперь ко мне. Но я горжусь этим.

Государь: Да, Вы вполне правы.

Я: Позвольте мне теперь обратиться к В[ашему] в[еличеству] с одной личной просьбой.

Государь: Конечно, говорите.

Я: Мне теперь, на склоне лет, приходится, по не зависящим от меня причинам, начать новую службу и уехать в провинцию. Между тем, у меня 5 детей...

Государь (*ласково*): Неужели пятеро?

Я: Да, 5 детей, у них нет матери и вся забота о них на мне. Теперь старших надо отдавать в учебные заведения в Петербурге. И если я надолго застряну в провинции, то их приходится оставить здесь одних, близких родных нет. Вот почему я осмеливаюсь просить: если В[ашему] в[еличест] ву угодно будет оказать мне еще милость, то вернуть меня на службу в Петербург, когда к тому представится[24] возможность. Если военное начальство не найдет меня достойным дать мне здесь полк, то хотя бы место по главной квартире или Министерству двора.

Государь: Да, конечно, понятно. Я всегда буду иметь Вас в виду и не забуду Вашей верной службы и Вашей долгой службы брату.

Я: Я глубоко благодарен В[ашему] в[еличест]ву за эти милостивые слова. Разрешите напомнить В[ашему] в[еличест]ву об этой моей просьбе, когда откроется здесь подходящая должность, через Орлова[25].

Государь: Через Влади Орлова? Хорошо, напомните через него.

Я: Когда я вернусь из-за границы, следует ли мне явиться к В[ашему] в[еличест]ву после свидания с в[еликим] князем? Быть может, В[ашему] в[еличест]ву интересно будет иметь о нем известия. Это будет приблизительно через месяц. Или следует ли мне повидать тогда Орлова?

Государь: Да, конечно, мне интересно иметь о нем известия. Вы сами увидите по обстоятельствам, как поступить, и если найдете нужным, явитесь ко мне.

Автограф

РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–5

Петроград 21 сентября 1915

Сегодня заехал к гр. М.Э. Клейнмихель[26] на Сергиевскую. Она говорит, что ждала меня с нетерпением, чтобы рассказать мне все новости и сплетни.

[24] В подлиннике «представиться».

[25] Орлов Владимир Николаевич (1868–1927), кн., флигель-адъютант (1903), полковник (1904), в 1906–1915 гг. — начальник Военно-походной е. и.в. канцелярии.

[26] Клейнмихель Мария Эдуардовна (1846–1931), гр., в кон. XIX — нач. XX в. — хозяйка великосветского салона, автор мемуаров (*Клейнмихель М.Э.*: 1) Из потонувшего мира. Пг. — М., 1923; 2) Дворцовые интриги и политические авантюры. М.: АСТ, 2014). Проживала в особняке по адресу: Сергиевская ул., 33. После 1918 г. в эмиграции.

Из новостей интересны подробности смены верховного главнокомандующего вел. князя Николая Николаевича — версия правдоподобная ввиду приводимых графиней источников.

Оказывается, что государь поступил с вел. князем весьма деликатно. Забираемая в[еликим] князем диктаторская власть, в проявлениях коей он до того не стеснялся, что год тому назад своим приказаниям придавал форму высочайших повелений, уже давно неприятно поражала государя.

Мягкое сердце последнего страдало от неописуемого разорения 9½ миллионов беженцев — лишенных крова, пущенных по миру — единственно жестоким сумасбродным приказом в[еликого] кн[язя] Николая Николаевича — эвакуировать и предавать огню и мечу местности, постепенно занимаемые германцами. Уже 1/6 часть — и богатейшая — европейской России была предана так[им] обр[азом] жесточайшему опустошению, голодные толпы озлобленных незаслуженным бедствием людей наводнили стихийным потопом остальную Россию — а бесчувственная жестокость вел. князя не прекращалась и грозила еще величайшими катастрофами.

Неумелое руководство штаба вел. князя, особенно генер. Янушкевича[27] и Данилова[28], полное отсутствие плана войны, всякой системы, случайные назначения, ненужное обилие жестоких, незаслуженных кар, наконец, несправедливое гонение на всё, носящее иностранное имя (чем в[еликий] князь искал популярности среди партий, представляемых узко национальным направлением «Нового времени») наконец привели нерешительного нашего монарха к твердому решению сместить вел. князя. Государь написал вел. князю письмо, в котором весьма умело и деликатно сказал, что в столь тяжелое, трагическое для России время он считает своим долгом перед лицом родины взять всецело на себя ответственность, возложенную на него Богом, и принять на себя верховное командование. Вместе с тем государь выразил надежду, что чины штаба вел. князя, т. е. легион адъютантов, ординарцев, прикомандированных к его штабу, и т. д., ввиду крайнего недостатка в офицерах, станет в строй. Это умное письмо государя вызвало, однако, только ярость вел. князя главнокомандующего, который б[удто] б[ы] прочел его (?)[29] при чинах штаба, прибавив: «Меня выгоняют, а из вас хотят сделать пушечное мясо».

[27] Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), генерал-лейтенант (1913), генерал от инфантерии (1914), 5 марта — 19 июля 1914 г. — начальник Генерального штаба, в 1914–1915 гг. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 18 августа 1915 г. — помощник наместника на Кавказе вел. кн. Николая Николаевича по военным вопросам. В 1918 г. арестован и по пути убит конвоирами.

[28] Данилов Юрий Никифорович (1866–1937), генерал-лейтенант (1913), генерал от инфантерии (1914), в 1914–1915 гг. — генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, В 1915–1916 гг. — командир 25-го армейского корпуса, в 1916–1917 гг. — и. д. начальника штаба Северного фронта, в 1917 г. командующий 5-й армией, в 1918 г. вступил в Красную армию, вышел в отставку, с 1919 г. в Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции.

[29] Так в подлиннике.

После этого вел. князь хотел приехать в Петроград. Но на просьбу его о том государь ответил письмом, опять очень умным, что, во-первых, присутствие его на Кавказе, где войска его ждут, необходимо, что приезд его в столицу тотчас по его смене может вызвать нежелательные манифестации и т. д.

Получение этого письма было рассказано графине Кл[ейнмихель] Веточкой Дерфельден[30] (рожд. гр. Шереметьевой), муж коей (мой б[ывший] товарищ по л[ейб-]гв[ардии] Кон[ному] полку) Доша Дерфельден[31], адъютант вел. князя Николая Николаевича, будто бы сам читал письмо! (Я не знал, что Д. в придачу к своим прочим прекрасным качествам обладает еще страстью читать чужие письма, ибо, наверное, вел. князь этому дураку их не дает читать.) Финально, вел. князь уехал на Кавказ, взяв с собой не только злополучных столпов верховного своего штаба, приведшего Россию к небывалому со времени основания империи позору — и всех своих адъютантов, но прибавив к ним еще Тео Нирода, променявшего небезопасное командование гвардейской бригадой на более приятную должность «по особым поручениям» в Тифлисе.

С другой стороны, курсирующая в совершенно неосведомленных кругах версия про влияние «старца» Распутина на смену в[еликого] кн. Николая Николаевича также не лишена некоторого основания.

Мать «изобретательницы» старца Распутина Вырубовой[32] — г-жа Танеева[33] недавно была тяжело больна, при смерти. Послали за другом дома, старцем, чтобы напутствовать умирающую. Во время его пребывания там неожиданно приехала интимный друг г-жи Вырубовой императрица Александра Федоровна в сопровождении государя. И тут будто бы старец, отведя государя в сторону, но довольно громко, чтобы быть услышанным, сказал государю: «Я знаю, что на меня опять идет гонение, что ты слаб характером и меня опять сошлют. Может, я более не увижу тебя. Так помни мое последнее слово: прогони Николашку, а то он тебя прогонит. Я знаю, что говорят в народе».

Рассказала это графине Кл[ейнмихель] сестра умирающей г-жи Танеевой, приехавшая к сестре через 20 минут после отъезда государя и когда все говорили еще о бывшем разговоре государя с Распутиным. Наконец, про неожиданную смену кн. Владимира Орлова графиня К[лейнмихель] рассказала совсем другую версию, чем я слышал. Говорят в городе, что Орлов пал жертвой своей

[30] Елизавета Дмитриевна Дерфельден, урожденная гр. Шереметева, в первом браке гр. Зубова (1884–1962).

[31] Владимир Иванович Дерфельден (1881–1917), адъютант вел. кн. Николая Николаевича.

[32] Называть А. А. Вырубову (урожденную Танееву) «изобретательницей» Распутина нет оснований. Ввели Распутина в круг общения императрицы великие княгини Анастасия и Милица Николаевна и ректор Петербургской духовной академии Феофан, а решающую роль в приближении Распутина к Александре Федоровне сыграла его роль «целителя» наследника Алексея Николаевича. Другое дело, что А. А. Вырубова была поклонницей Распутина и связующим звеном между ним и императрицей, на ее даче в Царском Селе Распутин встречался с членами царской семьи.

[33] Надежда Илларионовна Танеева, урожденная Толстая (1860–1937).

прямоты, позволив себе опять предупредить государя о злонамеренных толках, порождаемых близостью Распутина к семье государя и т. д. Но эта выгодная для Орлова версия распространяется лишь его семьей[34].

В действительности же Орлов испортил свое положение при государе [тем], что слишком явно всегда поддерживал[35] вел. кн. Николая Николаевича и беспрестанно ездил к нему в ставку, благодаря чему, в предвестии разрыва с вел. князем, государь потерял к нему доверие. Министр двора гр. Фредерикс говорил графине К[лейнмихель], что предупреждал Орлова не ездить так часто в ставку, но напрасно. Когда же в[еликий] князь получил новое назначение, государь сказал ему: «Я отдаю Вам Орлова, которого Вы так любите и который Вас так любит». Орлов узнал о своем новом назначении уже от министра двора.

Возможно[36], что его неожиданное падение было вызвано также отчасти денежными затруднениями, вызванными[37] расточительностью его жены, и из которых он пытался выйти, благодаря разным подачкам, исторгаемым у казны благодаря его исключительному положению, в самое последнее время. О[рлов] получил через министра финансов Барка концессию на какую-то железную дорогу. Про Ольгу Орлову говорят, что она любовница Барка, который от нее без ума. Во вс[яком] сл[учае] графиня Кл[ейнмихель] знает, что Ольга еще 1 год назад обедала у матери Барка. Аристократичная Ольга — у старой мещанки! Как было бы смешно посмотреть! Интересен рассказ графини о попытке вел. кн. Николая Николаевича удержаться на посту главнокомандующего посредством заговора военных агентов союзных держав. Эти последние рассказами — преувеличенными — о популярности, гениальности и т. п. в[еликого] князя Нико-

[34] Мнение, что именно отрицательное отношение В. Н. Орлова к Распутину сыграло решающую роль в его опале, преобладало в петербургском обществе. Например, весьма осведомленный в придворных делах начальник Канцелярии Министерства императорского двора и доверенное лицо министра императорского двора гр. В. Б. Фредерикса А. А. Мосолов писал в своих воспоминаниях, что «Орлов, как и многие другие, им [Распутиным] сильно возмущался. Но вдобавок к этому он имел неосторожность пустить в обращение несколько весьма едких словечек по адресу старца. Лица, завидовавшие его влиянию при дворе, преподнесли их императрице Александре Федоровне. Царица стала высказывать свое недовольство Фредериксу, говоря, что Орлов вмешивается в то, что до него не касается, и что она этого допустить не может... Был назначен отъезд на “Штандарт” (императорскую яхту. — *Д.Р.*). Когда Орлов туда явился, царица позвала Фредерикса и заявила ему, чтобы граф приказал князю съехать с яхты, ибо ее величество не желает его видеть. Фредерикс пошел к государю, но тот подчинился воле своей супруги. Орлова просили — правда, под каким-то предлогом — сойти. Только доводами военного времени министру удалось удержать князя от отставки. Однако, когда император назначил великого князя наместником на Кавказ, то последний просил государя перевести Орлова в его распоряжение, и вскоре после этого дал ему заведование гражданской частью края» (*Мосолов А. А.* При дворе последнего императора: Записки начальника Канцелярии министра двора. СПб.: Наука, 1992. С. 11).

[35] В подлиннике после «поддерживал» повторено «всегда».

[36] В подлиннике «возможна».

[37] В подлиннике зачеркнуто «безумной».

лая Николаевича были приведены к убеждению в том, что удаление в[еликого] князя с поста верховного главнокомандующего повлечет за собою ничуть ли[38] возмущение в армии, революцию в стране, одним словом, катастрофу для России. Об этом постарались все ничтожные людишки, прилепившиеся в ставке к вел. князю, строившие свою карьеру и личное благополучие на исключительном положении верховн[ого] главнокомандующего, на деле с каждым днем завоевывавшего частичку царской власти.

Приведенные к такому убеждению, не выходя из атмосферы великокняжеской ставки, союзные военные агенты во главе с французским генералом маркизом де Лягиш (de Laguiche)[39] представили своим правительствам возможное удаление вел. князя катастрофой для России, следовательно, для союзников и добивались от своих правительств полномочий на общее требование со стороны союзников, обращенное к государю, о несменяемости верховного главнокомандующего в[еликого] кн. Николая Николаевича.

К счастью, интрига эта была разрушена французским послом в Петр[ограде] Морисом Палеолог[ом][40], телеграфировавшим своему правительству об ошибочности такой точки зрения. Лагиш не получил полномочия на вмешательство от имени Франции в наши дела. Вел. князь, взбешенный, уехал в свое имение Першино Тульск[ой] губ.[41], его штаб и любимцы уехали кто к себе, кто в Тифлис, а в армии перемена верховного командования прошла незаметно почти в действующих войсках, с нескрываемым удовольствием у большинства высших начальников, бледнеющих при одном имени вел. князя, терроризировавшего всех своим самодурством, необдуманно резкими выходками и не признававшего другого мнения, чем собственное...

6 января 1916 г.

После изложения мною, генер[алом] Юзефовичем[42] и гр. Ил. Ил. Воронцовым-Дашковым всего дела Братолюбова–Жирар, в[еликий] князь приехал

[38] Так в подлиннике.

[39] Де Лягиш, маркиз, французский генерал, военный представитель Франции в Ставке верховного главнокомандующего.

[40] Палеолог Жорж Морис (1859–1944), французский дипломат, в 1914–1917 гг. — посол Франции в России, писатель, мемуарист (*Палеолог М.*: 1) Распутин: воспоминания / Пер. Ф. Ге. М.: Девятое января, 1923; 2) Царская Россия накануне революции / Пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М. — Пг.: Госиздат, 1923 (2-е изд. М: Международные отношения, 1991); 3) Царская Россия во время мировой войны. М. — Пг.: Госиздат, 1923 (2-е изд. М.: Международные отношения, 1991); 4) Дневник посла / Пер. с фр. Ф. Ге и др. М.: Захаров, 2003).

[41] Село Алексинского у., охотничья резиденция вел. кн. Николая Николаевича (Младшего).

[42] Юзефович Яков Давидович (1872–1929), генерал-майор (1915), генерал-лейтенант (1917), в 1914–1916 гг. начальник штаба Кавказской туземной конной (Дикой) дивизии, в 1916–1917 гг. начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса, в 1917 г. — 1-й генерал-квартирмейстер при верховной главнокомандующем, командующий 12-й кавалерийской дивизией, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. Активный участник белого движения. С 1920 г. в эмиграции.

сегодня к военному министру генер[алу] Поливанову[43] для того, чтобы последний мог объяснить ему всю некрасивую подкладку дела.

Дело в том, что талантливый инженер-изобретатель Братолюбов[44] открыл жидкость, приводимую в горение особыми пулями и горящую везде без возможности ее потушить. Но для финансовой стороны дела требовались колоссальные кредиты. Проводить свое изобретение законным путем через экспертизы, комиссии и т. д. изобретатель не захотел почему-то; через какого-то живописца академика Берхгольц[45] он познакомился с ординарцем вел. кн. Михаила Александровича, бар. Львом Львовичем Жирар де Суконтон[46]. И вот пошло через последнего самое бессовестное эксплуатирование доверия и имени вел. князя. Ему подсовывали самые неподходящие для вел. князя рескрипты военному министру, начальнику Главного военно-технического управления генералу Милеант[47] и другим. Рескрипты писались в тоне равноповелительном, со ссылкой на волю государя, напр[имер]: «На основании данных мне гос. императором полномочий повелеваю Вам» и т. д. — и кончались мелочными распоряжениями вроде предоставления инж. Братолюбову в личное пользование такого-то автомобиля с шофером Никифоровым. Под этим всегда ставил свою подпись: ординарец ЕИВВК МА[48] лейт. бар. Л.Л. Жирар де Суконтон[49].

---

[43] Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), генерал от инфантерии (1911), в 1906–1912 — помощник военного министра, член Государственного совета (с 1912). С 13 июля 1915 по 15 марта 1916 г. — военный министр. С февраля 1920 г. служил в Красной армии.

[44] Братолюбов Александр Александрович, инженер, химик, изобретатель.

[45] Берггольц Ричард Александрович (1865–1920), академик живописи (с 1905), действительный член Академии художеств (с 1912).

[46] Так в подлиннике. Жирар (Жерар) де Сукантон Лев Львович (1886–1934), старший лейтенант флота, во время I Мировой войны служил в Кавказской туземной конной (Дикой) дивизии.

[47] Милеант Гавриил Георгиевич (1864–1936), генерал-лейтенант (1913), в 1914 г. — начальник штаба 1-й армии, с 6 сентября — начальник 4-й пехотной дивизии. С 29 сентября 1915 г. — начальник Главного военно-технического управления. После Февральской революции командир 5-го армейского корпуса. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции.

[48] Его императорского высочества великого князя Михаила Александровича.

[49] Так в подлиннике. Об афере Братолюбова сохранились и другие воспоминания. Выдающийся русский химик Владимир Николаевич Ипатьев (1867–1952), в 1916 г. возглавлявший (в чине генерал-лейтенанта) Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, вспоминал: «Как только молва о применении удушающих веществ на фронте дошла до Петрограда, тотчас же стали обнаруживаться изобретатели, которые хотели на этом деле сделать свою карьеру, а главное, заработать хорошие деньги. Нет возможности вспомнить теперь все разнообразные предложения, которые я начал получать по приезде в Петроград, но не могу не упомянуть об одном изобретателе, г. Братолюбове, который по рекомендации члена Артиллерийского Комитета ген. Дурляхера (Дурляхер (Дурляхов, после начала войны русифицировал свою фамилию) Ростислав (Роберт) Августович (1856–1937), выдающийся конструктор артиллерийского вооружения, преподаватель Михайловской артиллерийской академии, после 1917 г. на службе в Красной армии, репрессирован. — *Д.Р.*), на дочери которого он был женат, явился ко мне в комис-

сию с очень важным предложением. Он прибыл ко мне вместе с своей супругой, которая принесла с собою рекомендательное письмо от ее отца, а сам он держал палец в стакане с каким-то целебным раствором; он объяснил, что его вещество так энергично, что его пары вызвали воспаление кожи пальца. Мне не трудно было догадаться, что это вещество было фтористым водородом и особого значения это предложение не представляло. При первом же моем знакомстве с г. Братолюбовым мне стало ясно, что я имею дело с авантюристом и что с ним надо быть очень осторожным. Впоследствии он предлагал особые воспламеняющиеся жидкости, и мне пришлось командировать своих инженеров на его хутор или дачу, на станцию Варшавской дороги "Белые Струги", где были произведены опыты с этой жидкостью. Опыты дали отрицательные результаты. Но Братолюбов, видя, что со мной пива не сваришь, втерся в доверие вел. кн. Михаила Александровича (брата государя), наговорил ему про удивительные свойства его воспламеняющейся жидкости и сказал, что ему потребуется 30 миллионов рублей, чтобы осуществить снабжение армии аппаратами-огнеметами; величину этой суммы он объяснял тем, что придется делать затраты в Америке. Великий князь доложил государю, который согласился с целесообразностью предложения и вместо того, чтобы направить его в Особое совещание по обороне для детального обсуждения, великий князь сделал на докладе Братолюбова пометку, что проект заслуживает внимания. Этого было достаточно для Братолюбова, чтобы в одном из банков получить аванс в 2 млн рублей. Когда помощник военного министра ген. Лукомский обнаружил незаконный ход дела, он запросил мое мнение и принял надлежащие меры. Великому князю пришлось принести извинение за свое легкомыслие, а Братолюбов, получив деньги, скрылся с горизонта, довольный произведенной им аферой» (*Ипатьев В.* Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 491–492).

В воспоминаниях военного министра А. А. Поливанова история с Братолюбовым выглядит следующим образом: «2 января началось для меня участие в длительном и докучливом эпизоде, возможном только в нашей стране — стране "неограниченных возможностей". В этот день я получил от великого князя Михаила Александровича, прибывшего временно от своей "дикой дивизии" в Гатчину, собственноручное письмо: "Многоуважаемый Алексей Андреевич, Прошу Вас срочно принять предъявителя сего А. А. Братолюбова по вопросу Вам известному, по которому я имею указания от его величества. Уважающий Вас Михаил". Первые сведения о Братолюбове я получил в сентябре 1915 г., когда в Особом совещании по обороне кто-то из членов Гос. думы сообщил, что ему привелось видеть в именьи недалеко от Петрограда, у химика Братолюбова, опыты с применением для военных целей горючих газов и что эти опыты изобретатель намеревался демонстрировать в Ставке. Затем по одному из докладов Главного военно-технического управления, касавшихся бронированных автомобилей, я узнал, что еще до вступления моего в управление министерством заказ на подобные автомобили был дан предпринимателю Братолюбову, который, поставив несколько экземпляров, признанных неудовлетворительными, после этого прекратил поставку. В последнее время до меня доходили сведения, что некий Братолюбов, появившись в Петрограде, предъявляет различным учреждениям военного ведомства Высочайшие повеления об исполнении его требований, достиг уже у главного начальника Петроградского округа ген. кн. Туманова распоряжения об отводе ему на Каменноостровском проспекте цирка "Модерн" с назначением к этому зданию воинской охраны и обращался в Главное артиллерийское управление с требованием, ссылаясь на данное ему Высочайшее о том повеление, о заказе ему для армии на огромную сумму горючей жидкости. Требование это было там впредь до выяснения дела оставлено без последствий. Письмо великого князя Михаила Александровича показало мне, что я буду иметь дело с каким-то "предприятием", проведенным в Ставке начальником "дикой дивизии" помимо начальника штаба верховного главнокомандующего и, может быть, и без его ведома, ибо в противном случае я имел бы от него, так заботливо относящегося к изготовлению разных средств борьбы, какое-нибудь извещение и о необходимости

заготовить средства, предлагаемые Братолюбовым. В назначенный ему день и час — 4 января в 11 ч. утра — А. А. Братолюбов прибыл ко мне в сопровождении лейтенанта флота Жирар-де-Сукантона, которого он мне назвал ординарцем великого князя, имеющим поручение доложить ему о результатах предстоящего разговора. На мой первый вопрос, какую он имеет техническую подготовку, Братолюбов ответил, что он не "ученый", но техническое дело понимает и, если бы не препятствия ему со стороны "ученых", то армия наша теперь была бы уже снабжена бронированными автомобилями. В настоящее же время он имеет Высочайшие повеления, данные ему в Ставке, произвести целый ряд секретных оборонительных средств для армии — таких, каких у неприятеля нет, но волнуется обо всем этом говорить, опасаясь недоверия к нему, и тем более, что при разговоре будут свидетели (кроме вполне знакомого с его делами лейтенанта Жирар-де-Сукантона в кабинете присутствовал еще только мой помощник ген. Лукомский, которому по его обязанностям предстояло принять [на себя] в той или иной форме дальнейшее распутывание денежной стороны заказа). На мой затем вопрос, чего он от меня, собственно, желает, Братолюбов ответил, что ему необходимы прежде всего денежные средства, в тех размерах и на те надобности, которые указаны в высочайших повелениях, передаваемых великим князем Михаилом Александровичем, и при этом вручил мне фотографический снимок с рукописи, оказавшейся рескриптом великого князя на мое имя. На этом снимке я прочитал приблизительно следующее: великий князь передает мне Высочайшее повеление заказать А. А. Братолюбову столько-то пудов изобретенной им горючей жидкости на сумму, если не ошибаюсь, семь миллионов рублей, которую уплатить ему в долларах, а если этой суммы окажется мало, то доплатить остальное — по указанию лейтенанта Жирар-де-Сукантона. Когда я пожелал видеть этот рескрипт в подлиннике, то Братолюбов достал из портфеля и показал мне лист простой полубелой бумаги, на котором я прочитал тот же неряшливо написанный текст за подписью "Михаил" и за скрепой "Ординарец Е. И. В. лейт. Жирар-де-Сукантон", причем почерк скрепы был похож на почерк текста. В портфеле оказалась целая пачка подобных же рескриптов, адресованных подведомственным мне чинам Военного министерства и главному начальнику Петроградского военного округа, содержащих в себе передаваемые великим князем Высочайшие повеления о заказе бронированных автомобилей, о реквизиции для работы изобретателя заводов, зданий и т. п.; всего, как оказалось впоследствии, 26 рескриптов, требовавших для осуществления упоминаемых в них мер сумму свыше ста миллионов рублей. По мере постановки мною вопросов о военной пригодности его изобретений ответы Братолюбова делались всё более и более уклончивыми, и нервными, со ссылками на то, что его величеству об его изобретениях всё известно. Тогда я объявил ему, что отпуск денежных средств на военные надобности производится Военным министерством в порядке, указанном в законе, и что предъявленные им рескрипты великого князя такому порядку не удовлетворяют, а потому я предлагаю ему обратиться с письменным заявлением к военному министру, где изложить смету его ближайших расходов, которая будет рассмотрена и деньги затем будут даны, но только на изготовление таких предметов, боевая годность коих будет признана специалистами. Тем не менее рескрипты с содержащимися в них высочайшими повелениями о заказах Братолюбову на крупные суммы могли послужить ему для получения денег из частных рук, и казне пришлось бы потом эти деньги уплачивать, а потому в дальнейшем предстояла задача испросить отмену этих повелений и достигнуть обратного получения рескриптов от Братолюбова. Но для этого надо было выяснить, были ли великому князю даны Государем определенные повеления или же только — что по всей обстановке дела казалось вероятным — общее указание обратить внимание на применение изобретений Братолюбова к боевым действиям кавалерии, а он уж сам, по неопытности своей и под влиянием других лиц, обратил это общее указание в право требовать от Высочайшего имени отпуска денежных сумм на заказы по его личному усмотрению.

Всё это обещало в будущем много неприятных забот и большой расход энергии “на преодоление бесполезных трений”. Случайно в Петрограде оказался начальник штаба “Дикой дивизии” Генерального штаба полковник Юзефович, лицо мне известное с очень хорошей стороны по службе его до войны в Главном управлении Генерального штаба. Осведомленный мною о сущности и обстановке всего этого эпизода, он осветил его великому князю с точки зрения закона и уже на другой день привез мне известие, что 6 января в 2,5 часа Михаил Александрович посетит меня лично, чтобы сказать, что всё дальнейшее ведение дела с Братолюбовым он передает Военному министерству. 5 января, принимая участие в очередном заседании Совета министров, я решил ознакомить “кабинет” с немаловажным, на мой взгляд, фактом нахождения в руках Братолюбова документов, дающих ему право предъявлять незаконные требования не только к военному ведомству, но и к некоторым гражданским, но когда я закончил мое очень сжатое повествование о рескриптах и их содержании, Горемыкин обратился ко мне со словами: “Я не понимаю, Алексей Андреевич, для чего вы нам всё это передаете”. 6 января ко мне прибыл великий князь Михаил Александрович и, застенчиво подбирая слова, рассказал мне, что свойство изобретенной Братолюбовым секретной жидкости — самовозгораться и гореть, без возможности ее потушить, может быть использовано нашей конницей при нападениях на неприятельские склады, а потому Государь и дал ему поручение получить от изобретателя потребное количество этой жидкости, но если отпуск денег должен идти через Военное министерство, то он просит меня принять всё это дело в мои руки, желая лишь следить за дальнейшим его движением, в чем ему поможет полковник Юзефович. В тот же день была составлена от меня краткая всеподданнейшая записка, в которой испрашивалась передача всех распоряжений по разным заказам Братолюбову от великого князя Михаила Александровича Военному министерству, и я поручил моему помощнику ген. Беляеву отвезти ее лично в Ставку и там доложить государю и ген. Алексееву всё то из обстановки этого дела, что, по его мнению, потребуется. Возвратившись из Ставки, ген. Беляев привез эту записку с начертанным на ней словом “Согласен” и сообщил, что при личном докладе государю никакого неудовольствия по поводу данного мною направления делу он не заметил, а ген. Алексеев никакого значения изобретениям Братолюбова не придает. В течение января по этому делу было предпринято нижеследующее: 1) 12 января Братолюбову было сообщено ген. Лукомским о передаче, с высочайшего соизволения, предоставленных ему великим князем заказов горючей жидкости и бронированных автомобилей, для пересмотра и дальнейшего направления в общеустановленном порядке, Военному министерству; 2) 14 января была образована особая комиссия, при участии представителей Министерства финансов и Государственного контроля, для рассмотрения предъявленной Братолюбовым ведомости уже произведенных им расходов по найму помещений и рабочих и по приобретению материалов, всего на сумму 678 тыс. рублей; 3) 18 января от Братолюбова были приняты все подписанные великим князем Михаилом Александровичем рескрипты, содержавшие в себе данные ему заказы и предоставление ему различных исключительных прав при их заготовлении, и ему было объявлено, что заказ на горючую жидкость последует только после опытов над нею, исполненных под надзором специалистов, которым он в секретном порядке должен будет открыть и состав своей жидкости, так как, не зная наверное способности этой не поддающейся тушению жидкости переносить тряску при перевозке, не зная, какого состава и устройства для нее потребуются сосуды, давать ее всадникам нельзя во избежание опасного для них самих ее самовоспламенения» (*Поливанов А.* А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 123–125).

А.С. Лукомский, в свою очередь, вспоминал: «После разговора с великим князем я вызвал Братолюбова. Этот изобретатель держал себя крайне вызывающе и сбавил тон только после того, как я его припугнул. Он мне показал не подлинные письма великого князя,

а фотографические с них снимки. Ясно было, что приходится иметь дело с опытным господином, который постарается сорвать всё, что только возможно. Поехал я осмотреть завод Братолюбова (дом и сарай, уже реквизированные для него по распоряжению главного начальника Петроградского военного округа), рядом с которым был трехэтажный дом, подлежавший реквизиции под квартиры рабочим и под контору. Работа по подготовке завода к работе кипела; устанавливались станки, проводились электрические провода. Но что, собственно, будет производить завод, было неясно: были на заводе какие-то старые аэропланы, подлежавшие исправлению; была модель нового аэроплана; были грузовики, подлежавшие бронированию; но не было ничего, относившегося до изготовления "всё сжигающей жидкости", на которую, однако, был дан заказ на большую часть всей суммы. На мой вопрос, где же приготовляется жидкость, я получил ответ, что "в другом месте". На другой день ко мне на прием явился какой-то прибалтийский немец, по виду простой ремесленник, очень плохо говоривший по-русски (фамилию его, к сожалению, я забыл). Рассказал он мне, что им уже несколько лет тому назад изобретена жидкость, которой можно сжигать всё что угодно. Что он обращался и тогда, и теперь, во время войны, в главное военно-техническое управление, но там его жидкость признали годной только для сжигания трупов, сказав, что в обращении она слишком опасна и для употребления на войне войсками непригодна. Но он познакомился с Братолюбовым, который обещал это дело провести и затем, получив заказ, половину чистого барыша отдавать ему — изобретателю. Что теперь Братолюбову заказ дан, и последний требует от него секрет приготовления жидкости, предлагая за всё это всего несколько тысяч рублей. Закончил он заявлением, что Братолюбову сообщить секрет изготовления жидкости он не хочет, и предложил передать состав своей жидкости мне. Я немедленно вызвал прокурора и следователя, которым немец и дал свои показания. Затем для немца было составлено заявление в суд о мошенничестве Братолюбова, которое он и представил по принадлежности. Химический состав жидкости изобретатель мне сообщил, а я поручил начальнику военно-технического управления заказать ему пудов двадцать жидкости и произвести с ней всесторонние опыты. Через несколько дней "настоящий" изобретатель уже работал на одном из полигонов около Петрограда. Был составлен по этому делу всеподданнейший доклад, и последовало высочайшее соизволение освободить великого князя от наблюдения за исполнением сделанных заказов, а всё дело направить и решить по усмотрению военного министра. После этого я вновь вызвал Братолюбова и предложил ему временно прекратить исполнение сделанных ему заказов, сообщив мне состав его жидкости. Он категорически отказался. Я тогда сказал ему то, что мне было известно от немца-изобретателя. Братолюбов признался, что это правда. Ему было объявлено, что дело ликвидируется, и чтобы он представил все данные, подтверждающие его действительные расходы, которые ему будут возмещены. Трудно было от него получить подлинные письма великого князя и негативы фотографических с них снимков; но, в конце концов, он их сдал. Великий князь заезжал ко мне несколько раз и был очень доволен, когда, наконец, дело было окончательно ликвидировано. Описываю всё это я подробно, так как до меня тогда же доходили слухи, что Братолюбов, сохранив, конечно, фотографические снимки с писем великого князя, хотел впоследствии их опубликовать. При ликвидации этого дела мне пришлось два раза делать подробные доклады в Совете министров, и в результате на возмещение расходов, вызванных этим делом, было ассигновано, если не ошибаюсь, 250 000 рублей. Жидкость для употребления в войсках оказалась совершенно непригодной и как содержащая в своем составе фосфор очень опасной в обращении» (Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1. С. 77–79).

И, наконец, в воспоминаниях видного члена Комиссии по военным и морским делам Государственной думы Н. В. Савича этот эпизод изложен так: «Только впоследствии я узнал о маленьком факте, который, по-видимому, послужил если не поводом, то предлогом отставки генерала Поливанова. В Петрограде в 1915 г. стал обивать пороги разных военных управлений некий господин, по фамилии, кажется,

Богомолов, который уверял, что он изобрел какой-то необычный зажигательный состав, с помощью коего можно легко сжечь все оборонительные сооружения врага, если в их конструкцию входит дерево или другой горящий предмет. Всюду его изобретение было признано не заслуживающим внимания, на него смотрели не то как на неудачного изобретателя, не то как на шарлатана. Тогда он бросился к членам Государственной думы и Государственного совета с жалобами на военные учреждения, отклонявшие его изобретения якобы потому, что у него нет протекции и возможности давать взятки. Последние обратились ко мне. Я уже слышал кое-что неблагоприятное для изобретателя, но, не будучи достаточно в курсе, просил начальника морской артиллерии, с коим я был в прекрасных отношениях и коему безусловно доверял, расследовать подробно это дело. Морское министерство в то время помогало мне во всем, что касалось вопросов вооружения армии, поэтому моя просьба была немедленно исполнена: лучшие техники исследовали вопрос и, как можно было ожидать, выводы специалистов оказались убийственными для изобретателя. Я препроводил ответ тем, кто ко мне обратился, и они заявили г-ну Б., чтобы он их оставил в покое. Тогда этот господин пролез как-то к великому князю Михаилу Александровичу и демонстрировал ему свое изобретение. Демонстрация заключалась в том, что в присутствии великого князя было обильно полита водою поленница дров, в которую был произведен выстрел снарядом, заключавшим небольшое количество изобретенной смеси. Поленница загорелась, и ее не могли потушить. Равным образом выстрелили в растущее дерево, которое тоже загорелось ярким огнем. Великий князь пришел в восторг, уверовал в сверх-греческий огонь и отправился в Ставку докладывать государю о виденном. Конечно, он не знал, что изобретатель заранее смачивал и поленницу, и дерево известною жидкостью, которая при соединении со смесью изобретателя воспламеняется и дает очень высокую температуру горения. Поэтому всё изобретение, притом отлично известное ученым-химикам, не имело никакого практического значения, т[ак] к[ак] немцы, конечно, не позволили бы предварительно смачивать их сооружения, чтобы смесь могла их воспламенить. Словом, всё дело было основано на обмане. Тем не менее результатом доклада великого князя было то, что последовал приказ открыть изобретателю кредит на организацию производства его смеси в сумме 10 млн руб. и ему было предоставлено право реквизиции любого помещения, пригодного для этой цели. Последним он тотчас же воспользовался, начал шантажировать домовладельцев, грозя их выселить, если они не откупятся. Те бросились с жалобами к военному министру и к члену Государственной думы Милютину (Милютин Владимир Васильевич (1873 — после 1935), инженер, член IV Государственной думы, октябрист. — Д.Р.). Поливанов немедленно поехал в Ставку, где и выяснил сущность дела. Тогда государь приказал отобрать указ о праве реквизиции помещения и прекратить выдачу денег обманщику, который, впрочем, уже успел кое-что получить, кажется, тысяч двести. Затем дело было замято. Прошло несколько месяцев. В одном из заседаний Военной комиссии и Государственной думы депутат Милютин поднял этот вопрос, попросил разъяснений военного министра. Тот давно привык быть с нами откровенным, знал, что мы умеем молчать, поэтому он с полной откровенностью отвечал на вопросы и предложил присутствовавшему Лукомскому сообщить все подробности дела, что тот и сделал, причем вскрылась роль великого князя и факт неосторожного приказа государя. Но Поливанов не учел, что в то время председателем комиссии был вновь избранный Шингарев, который пригласил на заседание стенографисток. Затем Шингарев неосторожно препроводил стенограмму в Ставку ген. Алексееву, который ее показал государю. Последний возмутился. Ему казалось несомненным, что Поливанов и Лукомский не только не выгородили великого

4 декабря[50] я лежал больной в постели.

Около 6 ч. веч[ера] меня вызвал по телефону военный министр. Приехав в его дом на Мойке, меня немедленно ввели в его кабинет[51], где я застал военн[ого] министра генер[ала] Поливанова, начальника Генерального штаба генер[ала] Беляева и начальника Канцелярии Военного министерства ген. — лейт. Лукомского. Поливанов прочел мне несколько рескриптов вроде вышеупомянутого и дерзкое письмо Братолюбова к генер[алу] Милеанту. Потом, очевидно сомневаясь, мог ли в[еликий] князь подписывать нечто подобное, спросил меня, знаю ли я руку вел. князя. Я подтвердил подлинность подписи. Потом он спросил, знаю ли я что-либо по этому делу. Я ответил, что в[еликий] князь ничего мне о нем не говорил, советовался с одним Жираром, что рескрипты эти, по-видимому, составлялись и подсовывались в[еликому] князю для подписи бароном Жирар[ом]. Что я, чуя о незаконности и нечистоте дела, писал к вел. князю с просьбой быть осторожнее, не брать на себя ответственности, поручить всё дело комиссии, но что в[еликий] князь меня не послушал.

Генер[ал] Поливанов, указав на незаконность рескриптов, обращавшихся к его подчиненным с высочайшими повелениями, указав на материальную сторону дела, поручил меня просить в[еликого] князя [сообщить] ему, Поливанову[52]: на что именно он, в[еликий] князь, уполномочен государем, и принять меры с моей стороны для ограждения в[еликого] князя от подобных лиц, злоупотребляющих его доверием... Я указал генер[алу] Поливанову на неудавшую-

---

князя, но и не оградили в должной мере престиж царской власти, не защитили интересы династии и престола. Последовал вызов ген. Шуваева и предложение ему занять пост военного министра» (*Савич Н. В.* Воспоминания. СПб.–Дюссельдорф: Logos — Голубой всадник, 1993. С. 152–153). Несомненно, история с рассмотрением запроса о Братолюбове (фамилию которого Н. В. Савич запамятовал) в думской комиссии (все протоколы которой считались секретными) могла послужить, в лучшем случае, еще одним предлогом для увольнения Поливанова. Тем более, что в журнале заседания комиссии от 23 февраля 1916 г. имя вел. кн. Михаила Александровича не было упомянуто (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 35). Причины были гораздо глубже и заключались в слишком хороших отношениях военного министра с Думой и слишком большой его популярности в обществе.

Сам вел. кн. Михаил Александрович писал по поводу этой истории жене: «Наташа, не забудь одно, что я до сих пор за всю жизнь ни в какие грязные истории не попадал, и только в конце прошлого года, действительно, благодаря моему доверчивому характеру я мог бы иметь неприятности, но, к счастью, этот вопрос теперь ликвидирован. Но ведь это не значит, что я буду продолжать делать ошибки. Наоборот, эта неприятная история будет служить мне тяжелым, но хорошим уроком и уж, конечно, ничего подобного никогда не повторится. Мне только всю жизнь будет досадно и обидно вспоминать, что я мог сделать такую ошибку» (Цит. по: *Хрусталев В.* М. Первая мировая: Во главе дикой дивизии. Записки великого князя Михаила Романова. М.: АСТ, 2014).

[50] Так в подлиннике. По смыслу правильно: «января».

[51] Так в подлиннике.

[52] Так в подлиннике.

ся уже мою попытку в этом направлении и просил военн[ого] министра объяснить всё это лично в [еликому] князю. Ввиду затруднений в этом со стор[оны] военн[ого] министра, крайне обремененного работой, я предложил тогда поручить это генер[алу] Юзефовичу. Его вызвали немедленно из Царского села к военн[ому] министру.

Утром 5 января генер[ал] Юзефович был у военного министра, потом приехал ко мне возмущенный всем услышанным. Генер[ал] Поливанов указал на политическое значение дела, Юзефович настаивал на необходимости изъять все дела из личного ведения вел. князя. В тот же день вечером Юзефович поехал в Гатчину и говорил в[еликому] князю об этом вопросе, который очень угнетает вел. князя. Но на следу[ющий] день 5 января[53] утром военный министр вновь вызвал генер[ала] Юзефовича и сообщил ему о новом факте, резко ухудшившем дело: Жирар привез военному министру новое свое творение — рескрипт за подписью вел. князя на имя Братолюбова, в котором вел. князь заказывает Братолюбову — помимо военного министра — 100 тысяч пудов горючего вещества с уплатой по 18 долларов за пуд в американской валюте[54], т. е. заказ на 24 миллиона рублей (!), а по словам генер[ала] Поливанова, на 34 миллиона рублей. А в конце рескрипта в[еликий] князь приказывает исполнять все распоряжения лейт. барона Жирара, исходящие от имени его высочества. Это полномочие — неслыханное — дает право бар. Жирару делать даже без ограничения суммы миллионные заказы, за которые должен отвечать вел. князь.

С этого документа Братолюбов и К° сняли фотографические снимки, которые уже распространяются. На основании их любой банк, любое учреждение и лицо могут открыть частной компании Жирара любой кредит. Опять-таки громадная ответственность на бедном вел. князе.

Помимо сего, генер[ал] Поливанов [указал] на политическую сторону дела: как жадно левые партии ловят всякий случай, чтобы припутать лиц императорской фамилии к всяким нечистоплотным намерениям по казенным поставкам и т. д. Как такой рескрипт дает почву для подобных инсинуаций и т. д. Подобные дела — прекрасная почва для возбуждения брожения для будущей революции.

Через день 7 января вопрос уже будет внесен в Комитет государственной обороны, в котором участвуют и «левые» депутаты Государственной думы[55]. Поэтому нам предстояло действовать быстро и решительно, добиться свидания вел. князя с генер[алом] Поливановым до этого и помешать дальнейшей эксплуатации вел. князя со стороны бар. Жирара и Братолюбова.

[53] Так в подлиннике.

[54] Подчеркнуто в подлиннике.

[55] Комиссию по военным и морским делам Государственной думы возглавлял с 21 июля 1915 г. кадет А.И. Шингарев. Начиная с летней сессии 1915 г. в составе этой комиссии находились депутаты от кадетской партии, для которых ранее данная комиссия была закрыта.

В 1 ч. собрались у меня вновь гр. Ил. Ил. Воронцов и генер[ал] Юзефович. Воронцов позвонил вел. князю в Гатчину, и мы все были позваны туда к обеду. По приказ[анию] в[еликого] князя в 5 ч. я вызвал Жирара и он дал некоторые объяснения мне и Вор[онцову]. В 6 ч. 10 [минут] веч[ера] мы выехали в Гатчину (я был до того болен, что еле стоял на ногах).

На ст. Александровской к нам вошел Юзефович. В Гатчине мы застали в[еликого] князя очень расстроенным. Перед обедом мы совещались у него в кабинете. В[еликий] князь понял сразу всю неправильность дела, и тотчас было решено им завтра же ехать к военному министру.

Когда уехал генер[ал] Юзефович, тогда я должен был рассказать всё дело при в[еликом] князе Наталии Серг[еевне] Брасовой. Воронцов оттенил некрасивую роль Жирара, просил вел. князя избавить нас от совместной службы с ним. На это бедный в[еликий] князь согласился. Я тотчас условился с военн[ым] министром о свидании в[еликого] князя с ним на завтра.

6-го января в 2 ч. я встретил в[еликого] князя на Балтийск[ом] вокзале; он был, по-видимому, рад этому, и мы вдвоем поехали к военн[ому] министру. Я оставался ждать в приемной вместе с начальником Генер[ального] штаба генер[алом] Беляевым[56] и генер[алом] Лукомским[57]. Генер[ал] Беляев тоже поговорил со мною об этом деле, с докладом о коем он сегодня едет к государю в ставку в Могилев. Я указал на необходимость изъять у Жирара и К° все компрометирующие документы. Потом мы осматривали взятое у германцев ружье с телескопом[58]. В[еликий] князь был у военного министра целый час. Когда они вышли, то военный министр докладывал вел. князю, что ружья теперь имеются в большом количестве, совершенно достаточном. Войска первой линии уже все вооружены нашей 3-линейной винтовкой; вторая линия вооружена французскими ружьями[59], которые генер[ал] Поливанов с трудом выпросил у французов. Затем есть много американских Винчестер под наш патрон и, наконец, изготовляются ружья японцами — самыми аккуратными поставщиками.

[56] Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918), генерал от инфантерии (1914), в 1914–1916 гг. начальник Генерального штаба, помощник военного министра, с 10 августа 1916 г. — член Военного совета и представитель русского командования при румынской армии, с 3 января 1917 г. — военный министр. После Февральской революции арестован, находился под следствием. Расстрелян большевиками.

[57] Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), генерал-лейтенант (1916), в 1914–1915 г. — начальник канцелярии Военного министерства, в 1915–1916 гг. помощник военного министра, в 1916 г. — начальник 32-й пехотной дивизии, затем — начальник штаба 10-й армии, с октября 1916 по апрель 1917 г. — генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего, затем командир 1-го армейского корпуса, начальник штаба верховного главнокомандующего. После выступления Л. Г. Корнилова, которое он поддержал, арестован. Активный участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции.

[58] Т.е. с оптическим прицелом.

[59] Имеются в виду французские однозарядные винтовки системы Гра и Гра-Кропачека (*Маниковский А.* А. Русская армия в Великой войне: Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 288–290).

Потом в[еликий] князь поехал ко мне на квартиру, пил чай и по моему совету просил по телефону генер[ала] Юзефовича быть его представителем в упорядочении братолюбовского дела.

Проводив в[еликого] князя на вокзал, я опять поехал к военному министру, чтобы сообщить ему об этом решении вел. князя, и генер[ал] Поливанов просил меня вызвать Юзефовича к нему к 10½ утра завтра. Генер[ал] Поливанов был очень любезен, сказал: Ну, кажется удастся нам спасти вел. князя из этого дела. Сказал, что прямо полюбил его после этого разговора, что понял его чистую душу и т. д.

Жирару вел. князь сказал мне передать, что 1) Ввиду возможных нареканий и недоразумений, возникших в Военном министерстве по поводу дела Братолюбова, вел. князь передал всё дело военному министру, оставляя за собою лишь покровительство делу; 2) Упорядочение дела и постановку его на правильный и закономерный путь в[еликий] князь поручил генер[алу] Юзефовичу как своему представителю, который исполнит это по указаниям военного министра совместно с лицом, имеющим быть назначенным со стороны военного министра; 3) со всеми докладами и вопросами по сему делу барону Жирар и инж. Братолюбову надлежит обращаться отнюдь не непосредственно к в[еликому] князю, а к[60] генер[алу] Юзефовичу и затем к лицу, уполномоченному от военного министра; 4) Лейт[енанту] бар. Жирару и инж[енеру] Братолюбову безотлагательно представить генер[алу] Юзефовичу все требующиеся ему справки по сему делу и всю относящуюся к делу переписку и документы; 5) Во исполнение сего бар. Жирар немедленно испросит указаний генер[ала] Юзефовича; 6) Барону Жирар[у] прекратить всякую переписку по сему делу от имени или по поручению его в[ысочест]ва[61]. К сему присовокупить (лично бар. Жирару), что в[еликий] князь приказывает бар. Жирару не ехать с в[еликим] князем на фронт, а оставаться в Петрограде ввиду необходимости его присутствия для полного упорядочения дела. Не пользоваться более бланком «ординарец Е.И.В.» и вернуть штамп. Затем вел. князь решил отчислить бар. Жирар[а] из ординарцев при получении в[еликим] князем корпуса, но пока ему это не объявлять, т[ак] к[ак] «это сделается само собою».

7 февраля 1916

Помощник военн[ого] министра генер[ал]-лейт[енант] Лукомский говорил по тел[ефону] начальнику штаба Кавк[азской] туз[емной] конной дивизии генералу Юзефовичу у меня на квартире, что настоящему[62] изобретателю огнераспростран[яющей] жидкости Эйзенштрауху (?)[63] уже отпущено 18 000 руб. за изготовление 300 пуд. жидкости (всего по 83 руб. за пуд, между

[60] В подлиннике «к» повторено дважды.

[61] В подлиннике пункты 4–6 вписаны в конце страницы.

[62] Подчеркнуто в подлиннике.

[63] Знак вопроса в подлиннике.

тем как Братолюбов вырвал у в. князя заказ на 100 тысяч пуд. по 340 руб. — более, чем в 4 раза дороже). Так[им] обр[азом], на заказ, данный на 34 миллиона, казна переплатила бы Братолюбову на 26 миллионов дороже! Которые Бр[атолюбов] положил бы в карман себе и своим достойным помощникам.

Эйзенштраух является настоящим изобретателем жидкости, сведения о составе которой и т. д. он представил в Военное министерство — свой секрет он безвозмездно отдает правительству.

В 1909/10 г. Братолюбов у него отобрал изобретение, обещав ему его провести в высших сферах.

9 VII 1916. Лоток Злотый

Из секретн[ого] отчета врем[енного] военн[ого] генерал-губернатора Галиции генерал-адъютанта графа Бобринского по управлению краем с 1 сент[ября] 1914 по 1 июля 1915 г.[64]

Положение об управлении[65] краем выработано всего в 3 дня (стр. 1).

Провозглашенный гр. Бобринским принцип веротерпимости, подтвержденный как основа религиозной политики к безусловному исполнению телеграммой государя на имя графа Б[обринского] от 15 сент[ября] 1914 г. (стр. 4), совершенно игнорировался архиепископом Евлогием[66], вводившим православие всякими правдами и неправдами (стр. 42–44 и Приложение 1 стр. 72–73).

Администрация — назначались совершенно неподходящие чины (м[ежду] пр[очим], ни одного начальника уезда с высшим образованием, тогда как при австрийск[ом] правительстве все были с высшим образованием. Полиция — грубая, своевольная, своекорыстная (стр. 7).

Русско-галицийская интеллигенция обманувшаяся в своих надеждах на получение власти в крае, вскоре стала относиться враждебно к русской администрации (стр. 8), между тем как оставшиеся в Галиции австрийские правительственные и обществ[енные] учреждения, состоящие гл[авным] обр[азом] из поляков, во многом оказали существенную помощь (стр. 9).

[64] Очевидно, имеется в виду отчет В.А. Бобринского, опубликованный (с приложениями) в 1916 г. Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. Киев: Типогр. штаба Киев. воен. окр., 1916; Отчет канцелярии военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 28 августа 1914 по 1 июля 1915 года. Приложение № 1 (к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1916.

[65] Здесь и далее подчеркнуто в подлиннике.

[66] Евлогий, в миру — Василий Семенович Георгиевский (1868–1946), епископ Холмский (с 1903), член III Государственной думы, архиепископ Волынский и Житомирский (с 1914), в 1914–1916 гг. управлял церковными делами в занятых русскими войсками областях (Галиции), подвергался критике за насильственное обращение в православие униатов, член Всероссийского поместного собора, избранный собором член Священного синода, с 1920 г. в эмиграции, в Париже возглавлял церковное управление, с 1927 г. порвал отношения с Русской зарубежной православной церковью, в 1931 г. перешел под юрисдикцию Константинопольского патриархата, в 1945 г. воссоединился с Русской православной церковью.

Военнопленные галичане освобождались по принесении присяги о верности государю — в числе 4290 чел.

Религиозный вопрос Святейший Синод, организовывая церковную жизнь края, даже не запросил мнения генерал-губернатора. Архиепископ Евлогий настойчиво добивался отмены закрытой баллотировки вопроса о приглашении в униатские приходы православных священников, назначал их своевольно — в результате, при эвакуации нами Галиции целые приходы, наспех присоединенные нами к православию, должны были из боязни преследований сниматься с места, образовав десятки тысяч беженцев, ринувшихся в неизвестное будущее.

Эвакуация. Были м[естным] пр[авительством] вывезены в Россию денежные суммы галицийских банков 1385 тыс. руб. + 1227 тыс. крон + депозита. 29 апреля нач[ат] принудительный вывод способного носить оружие населения и всего принадл[ежащего] ему скота; разрешено брать семьи и скарб. 24 мая распоряжение о принудит[ельном] выводе населения отменено, но десятки тысяч галичан продолжали выходить из Галиции, боясь репрессий и не желая покидать угонявшийся скот.

Оперативные данные — не сообщались, что расстраивало планы интендантск[их] заготовок и подвоза их в армию и до крайности затрудняло эвакуацию раненых и пр.

Дело контрразведки не было сосредоточено в одном учреждении и поэтому велось вразброд и непланомерно.

Дезертирство задержано ок[оло] 10 тысяч чел.

Эвакуация евреев совершалась непланомерно и менялась (прил. № 31/38 стр. 105–106).

Уничтожен при эвакуации нефтеочистительный и перегонный завод в г. Дрогобыче, причем убыток был ок[оло] 52 миллионов[67] руб.

Сбор оружия — не сдавалось населением, а продавалось «любителям» (стр. 30).

Вещевые запасы, оставленные австрийцами, бессистемно расхищались.

Школы

Посевное зерно прошло в Галицию 449 тыс. пудов, но принято только 166 тыс. пудов; все остальное сожжено при эвакуации, а частью (?)[68] вывезено обратно в Россию.

Лошадей для полев[ых] работ закуплено для Галиции 3065 лош. (за 320 тыс. р.) — продано только 1147 руб. — И лошади и зерно прибыли слишком поздно.

Посевы поднявшиеся — уничтожены при эвакуации[69].

[67] В подлиннике «миллиона».

[68] Знак вопроса в подлиннике.

[69] В подлиннике текст со слов «уничтожен при эвакуации» до начала записи от 9.VII.1916 находятся на странице, предшествующей этой записи. Порядок записей исправлен по смыслу.

Петроград 7 ноябр. 1916[a]

Разговор с доктором Вестфален[ом] о болезни великого князя Михаила Александровича. — Сегодня была консультация у лейб-мед[ика] Бертенсона[70] с д-ром Вестфаленом[71]. Вестфален рассказал мне, что еще в 1906 г. он определил у в[еликого] князя язву в желудке, в чем он был поддержан и профессором Нортен[ом] из Вены. — Тогда было предпринято лечение в Карлсбаде и Сорренто. — Но тогда же он предсказал повторение болезни. — Год спустя д-р Боткин отрицал язвы в желудке, объяснял всё нервами. Еще позже, в 1907 г. или 1908 г., была созвана консультация с привлечением проф. Бельяминова[72] и Сироткина[73], они тогда тоже определили язвы в желудке; протокол об этом сохранился у Мордвинова. Теперь — периодические боли и местное давление ясно указывают на существование язвы. В[естфален] думает, что в области 12-перстной кишки (где она почти никогда не переходит в рак), что много лучше, чем язва в самом желудке, часто переходящая в рак. Но окончательно определить область, где язва, может только рентгенизация, производимая, однако, только специалистом (рентгенизатор) по желудочным болезням (рек[омендован] О. фон Ден[74]). Язва, определяемая в 12-перстной кишке, излечивается радикально операцией с последовательн[ым] строгим лечением (6 недель молочной диеты, припарки, абсолютный покой). Язва в желудке не излечивается операцией, а только этим лечением. — В[естфален] убежден, что со временем боли и страдания в[еликого] князя возобновятся. Тогда[75] нужна будет предварительная рентгенизация, а затем консилиум и решение. Пока для облегчения страданий В[естфален] и Б[ертенсон] рекомендуют: теплый климат (Сухум, Гагры); строгая диета, питательные порошки, абсолютный покой 1–2 часа после еды, избежание усиленных движений (гимнастики, верх[овой] езды, сл[ишком] быстрой ходьбы и пр.).

Петроград 8 ноября 1916 г.

Беседа (в Министерстве внутренних дел) с товарищем министра внутр[енних] дел кн. Влад. Мих. Волконским[76]. Это — высокой степени порядочный, не ге-

[70] Бертенсон Лев Бернардович (1850–1927), лейб-медик, член Медицинского совета, известный врач-практик.

[71] Вестфален Герман Георгиевич (1859 — после 1915), директор Александровской мужской больницы, специалист по внутренним болезням.

[72] Возможно, речь идет о Леониде Георгиевиче Беллярминове (1959–1930), докторе медицины, профессоре, почетном лейб-окулисте.

[73] Возможно, речь идет о Василии Николаевиче Сиротинине (1856–1934), докторе медицины, профессоре, академике, лейб-медике, члене Медицинского совета.

[74] Ден Оттон Оттонович фон (1881–1939), рентгенолог Обуховской больницы.

[75] Подчеркнуто в подлиннике.

[76] Волконский Владимир Михайлович, кн. (1868–1953), член III и IV Государственной Думы (умеренно правый, беспартийный правый), с 4 июля 1915 г. товарищ министра внутренних дел, в декабре 1916 г. вышел в отставку в знак протеста протии политики А.Д. Протопопова.

ниальный, но уравновешенный и здравомыслящий человек. Положение внутри империи — отчаянное. Завладевший психически больной императрицей А[лександрой] Ф[едоровной] «старец» Григорий Распутин (Новых) мало помалу приобрел решающее влияние на все назначения. Ненормальный министр внутр[енних] дел Протопопов[77] — его креатура и спрашивает его обо всем. Так, напр[имер], генер[ал] Хагондоков[78] не был назначен петроградск[им] градоначальником потому, что не последовал совету Протопопова поехать на поклон к Распутину. — Если Штюрмер[79] и 3 ставленника Распутина, министры Протопопов и Раев[80], а также непопулярные в Госдуме Трепов[81] и Шаховской[82] не будут удалены, то в Думе произойдет взрыв, делающий ее роспуск неизбежным. Немедленно тогда начнутся забастовки, подавление коих невероятно; в 1905 году было в Петрограде около 100 тысяч рабочих и ок[оло] 30 тысяч отборных войск гвардии, теперь — более 900 тысяч рабочих и только 20 тысяч плохих войск и столько же войск, сочувствующих восстанцам[83]. В л[ейб]-гва[рдии] Московском полку при последних беспорядках командиру полка бросили камень, а офицеров избили. Вечером офицеры не смеют попадаться нижним чинам, т[ак] к[ак] рискуют всем. До того упала дисциплина. — Положение могло бы быть спасено выступлением всей императорской семьи, *in corpore* заявившей государю об опасности, о необходимости уступить общественному мнению. Прежде это могли бы сделать старейшие государственные люди: Воронцов, Пален, Столыпин и т. п. или коллегия иерархов. Теперь их нет... Искали, кто из вел. князей мог бы взять на себя руководящую роль. Михаил Александрович болен, ехать не может. Остановились на в[еликом] кн. Николае Михайловиче[84], несмотря на низкий нравственный ценз. Завтра в[еликий] кн. Михаил Александрович

[77] Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — член III и IV Государственной Думы, октябрист, с 16 сентября 1916 г. министр внутренних дел. Расстрелян большевиками.

[78] Хагондоков Константин Николаевич (Хагундоков Коста Исламович) (1871–1960), генерал-майор, в 1914–1915 гг. — командующий 2-й бригадой Кавказской туземной (дикой) конной дивизии, в 1915–1916 гг. — начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса, затем военный губернатор Амурской обл., в 1917 г. — командующий Приамурским военным округом. После отставки проживал в Кабарде, затем эмигрировал.

[79] Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), 20 января — 10 ноября 1916 г. — председатель Совета министров.

[80] Раев Николай Павлович (1857–1919), с 7 августа 1916 по 3 марта 1917 г. — обер-прокурор Синода.

[81] Трепов Александр Федорович (1862–1928), в 1915–1916 гг. министр путей сообщения, с 10 ноября по 27 декабря 1916 г. председатель Совета министров.

[82] Шаховской Всеволод Николаевич, кн. (1874–1954), в 1915–1917 гг. министр торговли и промышленности.

[83] Так в подлиннике.

[84] Николай Михайлович, вел. кн. (1859–1919), историк, вдохновитель великокняжеской фронды.

поедет к Волконскому. — Мнение Безака[85] — противоположное: прежде всего, нужна сильная власть — какова бы она ни была. И для спасения внутр[еннего] положения нужен мир: типично, что за войну стоят все левые партии, желающие ниспровержения государств[енного] строя, знающие, что война ведется против монархизма и кончится поражением, ответственность за которое возложат на теперешний монархич[еский] режим и на его представителей.

Автограф

РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–18

References

Hrustalev V.M. Pervaya mirovaya: Vo glave dikoi divizii. Zapiski velikogo knyazya Mihaila Romanova. M.: AST, 2014.

Ipat'ev V.N. Zhizn' odnogo himika: Vospominaniya. N'yu-'ork, 1945. T. 1.

Klenmihel' M.E. Iz potonuvshego mira. Pg. — M., 1923.

Klenmihel' M.E. Dvorcovye intrigi i politicheskie avantyury. M.: AST, 2014.

Manikovskii A.A. Russkaya armiya v Velikoi voine: Boevoe snabzhenie russkoi armii v mirovuyu voinu. M., 1937.

Mosolov A.A. Pri dvore poslednego imperatora: Zapiski nachal'nika Kancelyarii ministra dvora. SPb.: Nauka, 1992.

Nezabytye mogily. Rossiiskoe zarubezh'e: nekrologi 1917–1997. M.: RGB, Izd-vo «Pashkov dom», 1999. T. 1.

Paleolog M. Rasputin: vospominaniya / Per. s fr. F. Ge. M.: Devyatoe yanvarya, 1923.

Paleolog M. Carskaya Rossiya nakanune revolyucii / Per. s fr. D. Protopopova i F. Ge. M. — Pg.: Gosizdat, 1923 (M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991).

Paleolog M. Dnevnik posla / Per. s fr. F. Ge i dr. M.: Zaharov, 2003.

Polivanov A.A. Devyat' mesyacev vo glave Voennogo ministerstva (13 iyunya 1915 g. — 13 marta 1916 g.) // Voprosy istorii. 1994. № 9.

Savich N.V. Vospominaniya. SPb.–Dyussel'dorf: Logos — Goluboi vsadnik, 1993.

Skandal v imperatorskoi sem'e: Iz perepiski velikogo knyazya Mihaila Aleksandrovicha, imperatora Nikolaya II, imperatricy Marii Fedorovny. 1912 god // Oktyabr'. 1999. № 11.

Vospominaniya generala A.S. Lukomskogo. Berlin, 1922. T. 1.

[85] Безак Федор Николаевич (1865–1940) — член III Государственной Думы, член Государственного совета по выборам от Киевского земства (1913), киевский губернский предводитель дворянства (1912), входил в Думе во фракцию умеренно правых, затем — национальную, в Государственном совете — в группу Правого центра.